

Н. П. Греков

Рассказы и очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. П. Греков**
Рассказы и очерки / Н. П. Греков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 370 с.

ISBN 978-5-518-07884-0

ISBN 978-5-518-07884-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

приглашенія, во всякое время дня. Онъ увѣрялъ меня, что знакомство мое для него находка; что онъ съ тоски умираетъ въ провинціи, гдѣ никто не отдаетъ должной справедливости его достоинствамъ; что онъ знаетъ меня давно по моимъ стихотвореніямъ, которыя, всегда, при удобномъ случаѣ выписывалъ изъ журналовъ, нѣкоторыя изъ нихъ даже читалъ мнѣ наизусть.

Иринархъ Семеновичъ и для меня былъ находкою въ моемъ уединеніи: онъ смѣшилъ меня чрезвычайно разными своими выходками и разсѣвалъ мою скуку. Я съ нимъ не церемонился, занимался своимъ дѣломъ, а онъ между тѣмъ курилъ мои сигары, перелистывалъ книги и съ величайшимъ вниманіемъ разсматривалъ всѣ мои вещи и платья, любовался каждою пуговицею и самъ про себя говорилъ: «дивная штука, дивная!»

Я тотчасъ догадался, что всѣ свѣдѣнія обо мнѣ Верницкому были доставлены уѣзднымъ медикомъ, который ѣзжалъ къ нему. Другаго источника не было и не могло быть, потому что ни я никого, ни меня никто не зналъ въ городѣ N. кромѣ секретаря уѣзднаго суда, являшагося ко мнѣ каждое утро съ бумагами. Между нимъ и Верницкимъ я не могъ предполагать ничего общаго. Но за вѣжливость надобно было заплатить вѣжливостью. Я отвѣчалъ страстному поклоннику искусствъ, благодарилъ его за любезность и общалъ быть.

На другой день въ 8 часовъ прекраснаго майскаго вечера, коляска моя, переѣхавъ городской мостъ и поворотивъ направо, неслась во всю рысь по берегу живописной, хотя небольшой рѣчки, по другую сторону которой разбросаны были очаровательные виды. Весь

противоположный берегъ, подымавшійся полугорою, испещренъ былъ чудными пейзажами. Тамъ раскидывалась березовая роща съ своими, какъ бархатъ зелеными прогалинами; тамъ красовался барскій домъ съ его усадьбою и садами, по которымъ вились, какъ золотыя ленты, убитыя щебнемъ дорожки; тамъ крылатыя вѣтренныя мѣльницы стояли безъ малѣйшаго движенія отъ необыкновенной тишины въ воздухѣ, а тамъ, изъза лѣса возвышалась бѣлая, какъ снѣгъ колокольня, съ блестящимъ шпилемъ и золотою главою, ярко отражая лучи заходящаго солнца—и вся эта разнообразная, пестрая картина, мелькала, какъ въ зеркалѣ въ тихоструйной и свѣтлой рѣчкѣ, перемѣшиваясь въ ней съ клочьями розовыхъ облаковъ, которыя, какъ будто тянулись по дну ея. Кое-гдѣ, по голубымъ заливамъ, виднѣлись челноки рыбаковъ; изрѣдка проносились двѣ-три чайки, разрѣзали своими крыльями синюю гладь водъ, вскрикивали и улетали далеко. Вдали слышалась русская, заунывная пѣня, раздавался рожокъ пастуха, а солнце садилось за дальнею рощею, окрашивая и облака, и поле, и рѣку какимъ-то чуднымъ, золотымъ, розовымъ цвѣтомъ. Подобнаго этому вечеру я не помню. Я весь былъ погруженъ въ созерцаніе природы и замечтался невольно.

— Стой! Стой! вдругъ раздался пискливый голосъ. Мечты мои, какъ стая спугнутыхъ утокъ, разлетѣлись въ разныя стороны. Коляска остановилась. Передъ нею, завернутый въ широкій плащъ и въ огромной, круглой шляпѣ, стоялъ Хиледоньевъ.

— Bon jour! bon jour! пищалъ онъ, протягивая мнѣ

свою маленькую ручку, и мнѣ пришлось далеко выстунуться изъ коляски, чтобъ пожать ее.

— Къ Александру Михайловичу?—спросилъ онъ.

— Кто это Александръ Михайловичъ?

— Вотъ прекрасно! Не знаютъ къ кому ѣдутъ. Да какъ же вы писали записку-то? сказалъ Хиледоньевъ и залился своимъ звонкимъ, серебрянымъ смѣхомъ.

— А! такъ записка эта ваше дѣло? подхватилъ я. —
Погодите же, я отищу вамъ.

Хиледоньевъ стоялъ передъ коляскою, раскачиваясь во все стороны отъ смѣха.

— Ну, видите, вышло по моему, сказалъ онъ:—вы ни съ кѣмъ не хотѣли знакомиться въ нашей сторонѣ, анъ вотъ теперъ и познакомитесь. Да раскаяваться не будете: человѣкъ образованнѣйшій, истинный европеецъ. А ужъ пиръ задастъ,—увидите сами, такой, что птичьего молока только не будетъ.

— Да вы куда же? спросилъ я медика.

— Туда же, куда и вы: къ Александру Михайловичу Верницкому.

— Пѣшкомъ?

— Ну, да.... Вѣдь три версты только отъ города. Въ это время я всегда гуляю, а я, признаться, рабъ моихъ привычекъ: что дѣлать, никогда и ни для чего ихъ не измѣняю.

— Не хотите ли я подвезу васъ? спросилъ я его, все не понимая, какъ можно отправиться въ жаркій вечеръ, закутанному въ плащъ, пѣшкомъ, за три версты на балъ.

— Merci! merci! Никакъ не могу, сказалъ онъ. Съ моимъ полнокровіемъ движеніе необходимо.

Я чуть не расхохотался: я никакъ не могъ представить себѣ, чтобъ это маленькое, щедушное существо было такъ полнокровно. Въ эту минуту медикъ распахнулъ свой плащъ, вѣроятно для того, чтобъ щегольнуть передо мною своимъ бальнымъ костюмомъ. На немъ, противъ обыкновенія, былъ черный фракъ покроя тридцатыхъ годовъ. Такого же цвѣта панталоны обтягивали его тоненькія, коротенькія ножки. Изъ-подъ бѣлаго, двухбортнаго жилета выглядывалъ голубой поджилетникъ, который медикъ, какъ я узналъ отъ него впоследствии, величалъ *седюктеромъ*. Черный атласный галстухъ съ невѣроятно-огромнымъ бантомъ такъ былъ высокъ, что нисколько не прибѣгая къ гиперболѣ, миниатюрная головка Хиледоньева, тонула въ немъ, какъ въ безднѣ, или, по крайней мѣрѣ походила на яблоко, выглядывавшее изъ четверика.

— Однако жъ я васъ задерживаю, сказалъ медикъ, протягивая снова ко мнѣ свою тоненькую ручку: и вамъ, и мнѣ пора. Теперь тутъ пиръ на весь міръ: музыка гремитъ, молодежь прыгаетъ.... А какія красотишки, батюшка! просто: *délicieux!*—До свиданія, до свиданія!

Я пожалъ руку Хиледоньеву, закусивъ губу, чтобъ не расхохотаться. Коляска тронулась и черезъ двѣ минуты мой медикъ остался далеко назадъ. Въ скоромъ времени село Красивыя Горки, цѣль моего путешествія, открылось передъ моими глазами. За полверсты отъ великолѣпнаго, трехъ-этажнаго дома, окруженнаго со

всѣхъ сторонъ густыми, тѣнистыми садами, коляска моя въѣхала въ липовый проспектъ, который прямо велъ къ дому. По обѣимъ сторонамъ этого проспекта, какъ огромныя, серебряныя ткани, разстилались два пруда, доходившіе до краевъ сада. Наконецъ коляска въѣхала на дворъ. Онъ весь заставленъ былъ экипажами. Толпы зѣвакъ, кучками стояли на немъ въ разныхъ мѣстахъ и смотрѣли на окна дома, освѣщенныя сотнею огней. Я едва могъ пробиться чрезъ эту живую стѣну, разившую сивухой и коровьимъ масломъ.

Верницкій первый встрѣтилъ меня въ залѣ. Извинившись еще разъ за свое странное приглашеніе, и сказавъ мнѣ въ немногихъ словахъ очень много любезностей, онъ повелъ меня къ женѣ своей.

Мы нашли Верницкую въ гостиной. Она сидѣла съ какими-то двумя дамами весьма некрасивой наружности. Все, чѣмъ встрѣтила меня хозяйка дома, показывало въ ней и умъ, и прекрасное образованіе, и большой, свѣтскій навѣкъ, безъ помощи тѣхъ общихъ, затверженныхъ вѣсти мѣсть (*lieux communs*), которыми на первый разъ очень удачно отдѣлываются и самые пошлые люди. Все, что было сказано ею, было умно и любезно. Разговоръ шелъ о романахъ Жоржъ-Санда и о великомъ талантѣ этой женщины. Верницкая просила меня присоединиться къ ней, чтобъ защищать ея любимицу, на которую страшно нападала одна изъ ея собесѣдницъ. Напротивъ того, другая, съ ужасно-длинными локонами, худая и блѣдная, какъ смерть, выходила изъ себя въ защиту проповѣдницы женской эмансипаціи. Первая, какъ я узналъ послѣ, была величайшая ханжа, — по середамъ

и пятницамъ ѡла постное и каждую субботу сѣкла своихъ горничныхъ; не пропускала ни одной обѣдни, — и злословила каждого. Вторая была сороколѣтняя дѣва, синій чулокъ, ходячая реляція всѣхъ политическихъ новостей, перечень запрещенныхъ книгъ и отъявленная поклонница Жоржъ-Санда и сумасшедшаго Фуррье. Бури страстей, какъ увѣряли меня потомъ нѣкоторые, очень рано начали бушевать въ ея пламенномъ сердцѣ и слѣды этихъ бурь рѣзко вылегли подъ ея большими, сѣрыми глазами какими-то лиловыми оттѣнками, сливавшимися съ болѣзненною блѣдностью ея лица и очень схожими съ тѣми, которые, вѣроятно удавалось вамъ видѣть на снятомъ молокѣ. Ольга Дмитріевна Ладина (такъ звали сороколѣтнюю дѣву) была очень не глупа отъ природы и, хотя образованіе ея было далеко не систематическое, но вы могли коснуться какого вамъ угодно предмета въ твердой увѣренности, что онъ былъ ей извѣстенъ. Въ тотъ же вечеръ мы были съ нею, какъ старые знакомые: смѣялись, шутили и спорили.

Въ залѣ раздавались звуки польки. Мы вышли всѣ, чтобъ взглянуть на танцующихъ. Огромная и ярко освѣщенная зала полна была легкими, разноцвѣтными платьями, черными фраками, цвѣтами, блондами, хорошенькими личиками и тѣмъ невыразимымъ обаяніемъ, которое всюду приносить съ собою молодая и прекрасная женщина. Въ ту самую минуту какъ я выходилъ изъ двери гостиной, передо мною быстро пронеслась пара танцующихъ. Глазамъ моимъ мелькнуло бѣлое платье съ широкимъ пунцовымъ поясомъ, густые и тем-

ные локоны, какъ уголь черные, большіе глаза и смуглое, невыразимо прекрасное лицо, съ легкимъ, розовымъ оттѣнкомъ, — но все это мелькнуло, какъ молнія и исчезло за прочими парами и толпою смотрѣвшихъ гостей. Мужчина, танцовавшій съ этою дѣвушкой, также былъ строенъ и очень хорошъ собою. Верницкій стоялъ отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ съ какимъ-то старичкомъ въ мундирномъ фракѣ и слѣдилъ за ними глазами. Въ этихъ взглядахъ, которые летѣли по слѣдамъ ея, было замѣтно не простое увлеченіе—всегдашняя дань красотѣ и граціи, но какое-то безпокойное чувство, сверкавшее и восторгомъ, и ревностью, и злобою. Въ этихъ взглядахъ было что-то демонское, отталкивающее отъ него. Онъ мнѣ не понравился въ эту минуту.

— Charmante! Charmante! говорила Ладина, относясь къ Верницкой и смотря въ ту сторону, куда пронеслась прекрасная пара.—Право, женщинѣ можно влюбиться въ нее. Она cadaго сведетъ съ ума: какая стройность, какая грація во всемъ, и какъ хороша! C'est un ange incarné! — n'est-ce pas monsieur?—спросила она меня.

— Я не знаю, о комъ вы говорите, отвѣчалъ я.

— А вотъ объ этой дѣвицѣ, которая идетъ къ намъ.

Въ эту минуту подошла къ Верницкому дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ пунцовымъ поясомъ. Лицо ея горѣло отъ сильнаго движенія, грудь подымалась высоко. Она была ослѣпительно хороша. Одинъ изъ черныхъ глянцеvитыхъ локоновъ ея, отдѣляясь отъ душистыхъ товарищей своихъ, спадавшихъ до плечъ, въ безпорядкѣ

бился по ея розовой щечкѣ; подходя къ намъ, она поправила его.

— Tu es lasse, mon enfant? сказала Верницкая съ нѣжностью матери, взявъ ея одной рукою подъ щеки и другою поправляя ея волосы.

— Oui, je suis un peu fatiguée, отвѣчала молодая дѣвушка, адлуя у нея руку и съ улыбкой смотря ей въ глаза.—Nous avons fait trois tours.

— Ne prends donc rien de froid, mignonne, et repose toi. Посмотри, Леночка, какая ты красная.

— Прекрасная!—подхватила сороколѣтняя дѣва, сжимая руку молодой дѣвушки. Toujours belle, toujours ravissante m-elle Hélène!

— Toujours aimable, m-elle Olga, отвѣчала, улыбаясь Леночка.

Она сѣла между Верницкой и Ладиной, небрежно играя рѣзнымъ, изящнымъ опахаломъ. Я стоялъ почти возлѣ нихъ и не могъ отвести отъ нея глазъ. Все, что я видѣлъ прежде, и что люди называли красотою, всѣ идеалы, которые когда-то создавало мое кипучее воображеніе, всѣ произведенія великихъ живописцевъ, изображавшихъ красоту женщины, могли назваться только намекомъ на то совершенство прекраснаго божьяго созданья, которое олицетворяла Леночка. Представьте себѣ стройный—болѣе нежели нежели средній ростъ, исполненный граціи; лицо нѣсколько продолговатое и смуглое съ легкимъ оттѣнкомъ румянца; небольшой ротъ съ совершенно алыми губками. прямой правильный носъ и большіе черные глаза.... Но какіе глаза!... Въ нихъ сверкалъ огонь страсти, отражалась нѣга.... Смотри

на нихъ, вы замечтались бы о какомъ-то невѣдомомъ счастья. Они напомнили бы вамъ дни юности, когда сердцу вашему, готовому вспыхнуть первою любовью, грезились какой-то свѣтлый, неувидимый образъ женщины, у ногъ которой вы бы готовы были умереть. Въ этихъ глазахъ, подернутыхъ сладкою истомою, вы прочли бы цѣлую поэму любви. Въ нихъ свѣтился умъ, замирало чувство, разливалось море поэзіи. Смотря на нихъ, я забылся.

Оркестръ, находившійся на хорахъ, вдругъ загремѣлъ вальсомъ. Играли *Valse romantique* Ланнера.

Молодой человекъ, танцовавшій съ нею польку, снова подымалъ ее съ мѣста. Она встала проворно, и, закинувъ головку, граціозно опустила руку на плечо своего кавалера. Они уже кружились далеко, когда, сзади кто-то меня тронулъ. Я оглянулся и увидѣлъ Хиледоньева, рисовавшагося передо мною въ своемъ бальномъ костюмѣ.

— А я васъ давно ищу. Гдѣ вы были? сказалъ онъ. Я ужъ сдѣлалъ туровъ пять вальсу. Ну, какъ вамъ нравится Александръ Михайловичъ? не правда ли: Леонида Павловна прелюбезная дама? А каковы барышни? *delices du genre humain!* — просто: *jouissance*. Ну, конечно, какъ ни много здѣсь хорошенькихъ, но въ сравненіи съ Еленой Александровной далеко кулику до петрова дня!

Мой медикъ такъ много мнѣ надѣлалъ вдругъ вопросовъ, что я не почелъ за нужное отвѣчать на всѣ и остановился на послѣднемъ, очень довольный тѣмъ, что могу узнать отъ него, кто была та дѣвушка, которую

хозяйка дома называла Леночкою. И такъ, вмѣсто отвѣта, я обратился къ нему съ вопросомъ.

— Скажите мнѣ, любезнѣйшій Иринархъ Семеновичъ, вѣдь та, о которой вы говорите, дочь Верницкихъ?

— Елена Александровна? Э, что вы! У нихъ никогда не было дѣтей. Это воспитанница Леониды Павловны, отъ которой она безъ ума. Она души въ ней не слышитъ; любить, какъ дочь родную; не надышитъ на нее. И какое образованіе дала: по французски, по нѣмецки, по англійски — такъ и рѣжетъ. Возила съ собою за границу: была въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Венеціи. А какая музыканша! Какъ играетъ на фортепьянахъ, какъ поетъ.... Одному учителю музыки платять 1000 рублей серебромъ, — вотъ тому, что съ нею вальсировалъ, — м-гъ Леонару. А ужъ умна, умна, какъ Наполеонъ.

Въ это время подошелъ къ намъ Верницкій.

— Вы совсѣмъ не танцуете, мой любезнѣйшій м-гъ Хиледоньевъ, — сказалъ онъ медику. Какъ вамъ не стыдно! въ ваши лѣта и такому славному тансеру!...

— Помилуйте, Александръ Михайловичъ, я не танцую? жеманно отвѣчалъ Хиледоньевъ, охорашиваясь и подымаясь на цыпочкѣй, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди маленькаго роста. — Да я ужъ туровъ пять вальса сдѣлалъ и двѣ кадрили отхваталъ.

— Пять туровъ и двѣ кадрили, — какъ много! Да съ вашимъ умѣньемъ не надо сходить съ доски. Всѣ дамы въ восторгѣ отъ вашихъ танцевъ.

— Помилуйте, что я за тансеръ, съ самодовольною улыбкой сказалъ медикъ. — Вотъ м-гъ Леонаръ — это другое дѣло.